

Алексей Солоницын

НЕРАСКАЯННЫЙ ГРЕХ

Рассказы, повести

Москва
Издательство «Апостол веры»
2017

УДК 23/28, 179.9
ББК 86.372
С 55

*Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
№ ИС Р16—616—0615*

Покаяния отверзи ми двери...

Солоницын А.А.

Нераскянный грех. Рассказы, повести. — М.: Православное издательство «Апостол веры» (ИП Семенец И.Ю.), 2017. — 352 с.

В новую книгу Алексея Солоницына вошли рассказы и повести, разные по тематике. Он рассказывает и о наших современниках, и об исторических персонажах, гениях русской литературы — Достоевском, Гоголе, Есенине.

Используя малоизвестные или вовсе неизвестные факты биографий писателей, которые, как «вечные спутники», сопровождают нас всю жизнь, автор показывает их духовную высоту, стремление выразить то сокровенное, что присуще русскому народу.

Рассказы и повести писателя объединяет то, что можно назвать «нераскянным грехом». Он тяготит душу, не даёт ей возможность предстать перед Господом, уже раскаявшись в тех падениях, малых и больших, которые мы совершаём, идя по дороге жизни...

ISBN 978-5-9908988-1-3

© Издательство «Апостол веры»
(ИП Семенец И.Ю.), 2017

Вместо предисловия

Мы как огня боимся слова «покаяние». Нам почему-то кажется, что под этим словом кроется какой-то ужасный смысл. Будто надо как Родиону Раскольникову, герою «Преступления и наказания» Достоевского, выйти на площадь, упасть на колени и перед всем народом признаться, что ты убийца.

Но мы-то с вами не убийцы вовсе, так с чего это нам-то каяться?

Междуд тем слово «покаяние» в переводе с греческого означает «исправление».

И одно из самых ярких песнопений в период подготовки к Великому посту звучит именно так, как написано в заголовке этого вступления в книгу.

Это торжественное, идущее от самого сердца прошение к Богу необычайно важно для всех нас, потому что стоит только заглянуть внутрь себя, как мы увидим так много грехов, что невольно поймём, что если хотим жить в ладу со своей совестью, необходимо именно покаяние, то есть исправление своей жизни.

И вовсе не надо выходить на площадь и падать на колени. Между прочим, Достоевский пишет, что на Раскольникова на площади никто и не обратил внимания. И он, чрезвычайно удивлённый, встал с колен и ушёл с площади.

Надо просто сосредоточиться и «вспомнить всё». И тогда мы поймём, почему просим, чтобы двери покаяния открылись перед нами.

Об этом и рассказы, и повести этой книги. Мои герои хотят жить по совести, не нести на душе тяжесть греха. О таких людях говорят, что они «с разбуженной совестью».

В повестях, представленных в книге, героями являются великие русские писатели – Гоголь, Достоевский, Есенин. В них я рассказываю о малоизвестных фактах биографий гениев литературы. Нетрудно догадаться, что это мои любимые писатели, которые оказали на моё творчество сильное влияние.

Но не стоило бы о них писать, если бы нам не представилась возможность, сопоставляя факты их биографий, реконструировать события, которые приводят к неожиданным выводам. О них и хочется сказать, потому что душа требует восстановить правду, а не полуправду или откровенную ложь о тех, кого очень любишь.

Особенно это касается судьбы Сергея Есенина.

В самом деле, почему протоиерей Иоанн Смирнов, настоятель храма в честь Казанской иконы Божией Матери в селе Константиново Рязанской губернии, на родине поэта, сразу, как только пришла весть о трагической кончине поэта, стал служить панихиду? Ведь самоубийц наша Церковь запрещает не только отпевать, но даже поминать!

Всё дело в том, что народное сознание сразу разгадало, что поэт не повесился, как было официально объявлено властями, что он убит.

Как и почему, я и старался выяснить, реконструируя, повторю, события его жизни. Путь поэта не бывает простым, линейным, душа трепетно ищет правду, совесть взыскивает, то есть идёт ко Христу.

То же самое рассказало и в повести о Фёдоре Михайловиче Достоевском, одном из самых великих писателей

мироноской литературы. Ему, как редко кому из гениев, удалось заглянуть в самые глубины сознания и выйти из этой глубины с покаянием, то есть с исправлением души. А если этого не происходит, его герои гибнут, как Ставрогин из романа «Бесы», например. Вот кто действительно не мог обойтись без петли за свои нераскаянные грехи.

Когда я наткнулся на потрясающую страницу жизни Достоевского – события его последних дней, удивился, что об этом так мало говорится или не говорится вообще. Ведь кровь пошла у него горлом не потому, что он полез за упавшей ручкой, которая закатилась под этажерку, как написала в своих воспоминаниях Анна Григорьевна. А потому, что в соседней квартире, через стенку, была устроена засада, и именно в эту ночь, 25 декабря 1881 года, был арестован Александр Баранников, один из руководителей «Народной воли». «Группа четырёх» готовила покушение на царя.

Подумать только – прямо через стенку ломились главные события жизни России прямо в душу и сердце писателя! Как же не рассказать об этом?

На стене моего кабинета висят фотографии Достоевского, Чехова, Есенина, которые я отдал увеличить и хорошо оформить. Над ними «Портрет в тужурке» – репродукция картины Валентина Серова, который так удачно запечатлел образ государя императора Николая Второго. Характером он, по-моему, очень похож на Антона Павловича Чехова. И потому в рассказе, который вы прочтёте в этой книге, я представил, что было бы, если бы они встретились.

Написал я и о любимых писателях – ведь они сопровождают нас всю жизнь. И, к нашему немалому удивлению, их творения, словно по волшебству, оказываются самыми что ни на есть актуальными во все времена. О взяточниках, которые так расплодились в стране, лучше не скажешь, чем в «Ревизоре». О наполеоновских идеях, ради которых нисколько не жаль убить хоть старушку-процентщицу, хоть

кого угодно — а такие люди внезапно появились в «новой России», — тоже уже сказано. И почему они появились, уже дан ответ. Ведь «если Бога нет, то всё позволено», как гениально и точно сказал Фёдор Михайлович.

В произведениях, составивших этот сборник, я старался рассказать не только о неизвестных или малоизвестных страницах биографии наших великих писателей. Мне представлялось самым важным показать их в свете веры Христовой. В этом свете образы русских гениев выглядят иначе, чем в школьных учебниках и многочисленных книгах даже таких мудрых и всё знающих литературоведов.

Я начал с упоминания строки из песнопения, которое предшествует Великому посту. Это песнопение поётся и во время поста. Его можно сравнить с торжественно поднимаемым знаменем, которое сопровождает войска не только во время битвы, но и перед сражением на марше к полю боя.

Об этом и рассказывает книга, которую вы раскрыли.

Алексей Солоницын

НЕРАСКАЯННЫЙ ГРЕХ

В гулком храме я стоял среди людей, готовящихся к исповеди. Их было немного, человек пять-шесть.

Впереди меня стояла статная женщина в чёрном шерстяном платье, в белой газовой косынке на крашеных жёлтых волосах. Косынку она то и дело поправляла, и я невольно видел её тонкие пальцы с перстнем из красного чешского стекла.

У аналоя стоял седой как лунь батюшка с бледным лицом, с усталыми мудрыми глазами — я знал, что он только-только выписался из больницы после тяжёлой операции. И прихожане это знали, и потому, как мне казалось, каждый должен был исповедаться как можно короче, назвав главные свои грехи.

Я уже решил, что сегодня скажу, и думал, что каждый поступит так же.

Женщина в чёрном платье сделала несколько шагов к аналою, где её ждал священник, и вдруг резко остановилась, прижав руки к груди. Будто увидела что-то, внезапно поразившее её.

Батюшка выпрямился, внимательно посмотрел на женщину. Она продолжала стоять неподвижно, а через минуту-другую резко повернулась и быстро пошла к выходу из храма, почти побежала.

Я успел увидеть заплаканное лицо, глубокие серые впадины под глазами, отчётиливо видные, потому что всё лицо, бледное да ещё припудренное, выглядело особенно белым.

Священник подозвал меня к себе и тихонько сказал:

— Пойдите узнайте, что с ней.

Я вышел из храма, огляделся. В глубине двора, под вязами, стояла скамейка. Там и сидела женщина в чёрном платье, продолжая плакать и утирая лицо платком.

Женщину эту я узнал, увидев близко её лицо, — несколько раз встречал её на службах, по праздникам. И она узнала меня.

Вытирая размазанную тушь, глядя на себя в зеркальце, она постепенно успокаивалась.

— Батюшка просил узнать, что с вами, не нужна ли вам помошь.

Она быстро посмотрела на меня — сейчас, без краски, глаза её очистились не только снаружи, но и изнутри — в них появился свет печали, свет страдания.

— Не знаю, поверите ли. Впрочем, вам можно рассказать — вы же писатель.

— Вам что-то привиделось?

— Не привиделось, а я ясно увидела! — глаза её стали ещё более светлыми, как будто кто-то ещё ярче подсветил их изнутри. — Они стояли рядом, двое, такие хорошие! Господи, я их отчётиливо видела, вот как вас сейчас!

— Да кого вы видели?

— Они такие молодые — ну да, одному шестнадцать, другой чуть поменьше, да-да, четырнадцать, я же хорошо помню, — она смотрела на меня и не на меня, куда-то в пространство, в это свежее летнее утро,

в эту чистую лазурь, и словно опять видела тех, кто стоял в храме, перед аналоем.

— Господи, да как же это! Господи!

Она закрыла лицо руками и опять зарыдала.

— Это были ваши близкие? — решился спросить я.

— Да! Мои... сыновья!

Она снова подняла на меня свои глаза — в слезах, они сейчас блестели горем, какого я ещё не встречал.

— Они погибли? Почему вы не подошли к батюшке? Почему не попросили его помолиться? Простить вас, если вы виноваты перед своими детьми. Ведь вы же верующая! Пришли к исповеди! И вдруг бежали!

— Да, бежала! Вы правы! Господи!

— Успокойтесь, прошу вас. Вы просто много думали о своих сыновьях. Вот они и предстали перед вами внутренним взором. Это психология, ничего тут сверхъестественного нет. Вы сберитесь, подумайте как следует. Вы же хорошо знаете нашего батюшку. Да ведь и не ему, а Господу вы исповедуете свой грех. Он же незримо стоит у аналоя, вы же знаете.

Она снова вытерла слёзы — платок уже весь промок. Я дал ей свой.

— Спасибо. Я пойду на исповедь. Но не сейчас.

— Почему? Если так сильно ваше переживание, как раз сейчас стоит и покаяться.

— Да? Вы думаете?

Она опустила голову, размышая.

— Нет, не смогу.

— Так тяжек ваш грех? Ваши сыновья живут в нашем городе? Может, встретиться с ними? Нет таких конфликтов, которые нельзя было бы уладить матери со своими детьми.

Она посмотрела мне прямо в глаза:

— Я убила их обоих.

Я, наверное, с ужасом посмотрел на неё, потому что лицо её исказила гримаса.

Она снова смотрела мне в глаза:

— Они ведь не родились. А могли бы... могли бы быть такими, как я их сейчас увидела!

— Вы... придумали это!

— Нет, я увидела их... Увидела живыми! Господи! Нет мне прощения!

— Успокойтесь. Перестаньте, да перестаньте же! Это только ваши фантазии. Вот и всё.

Лицо её изменилось — стало холодным, сухим.

— Извините, что побеспокоила вас, — она встала. — Прощайте!

— До свидания. И вы меня извините. Может, я не то сказал и не так...

— Ничего. Я вас понимаю.

Она уходила к воротам церкви — в чёрном платье, в белой газовой косынке на жёлтых крашеных волосах. Уходила со своим горем, которое, как я понял, так ужаснуло её, явилось таким непоправимым, что вызвало это видение, о котором она рассказала мне.

В её рассказ я поверил, как только остался один на этой скамейке под старыми вязами, когда увидел лиц Богородицы, Которая смотрела на меня со стены храма, над его входными дверями.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1.

Учитель истории Иван Котиков видел странный сон. Будто стоит он за оградой сада, на краю поля, ночью, и читает какую-то старинную книгу в толстом кожаном переплётё.

«Откуда взялась эта книга? — думал во сне Иван, шелестя толстыми страницами, захватанными по углам, с крупными чёрными буквами, с гравюрами, на которых было изображено что-то загадочное и в то же время очень понятное. — Почему я читаю её здесь, а не дома?»

Он оторвался от книги и посмотрел в небо, ясное от необычайно белой луны. Луна облила светом огромные пространства, и тем не менее не было видно ни одной звезды.

«Выходит, у нас бывают белые ночи, — объяснил себе ситуацию Иван. — Выходит, при таком свечении луны звёзд не замечаешь. Но как я оказался тут? И почему с книгой?»

Он хотел снова открыть незнакомый фолиант, но в это время заметил, как от луны отделилась крупная звезда и быстро понеслась по небу, описывая длинную дугу к горизонту.

— Комета! — крикнул Иван и шагнул вперёд, чувствуя, как у него занялось дыхание.

Сразу же стало ужасно жалко, что кроме него никто не видит столь редкостное явление. Он хотел было побежать за женой Анютой, но невозможно было оторвать глаз от движения звезды по небу. Тем более что движение это оказалось поразительным: у горизонта, словно кем-то управляемая, звезда не упала, а понеслась над лесом, прямо навстречу Котикову.

«Она упадёт около нашего города!» — с ужасом и радостью подумал он, но звезда всё не падала, а уже мчалась над полем, издавая урчащие, стреляющие звуки, вроде тех, какие исторгает старенький двигатель внутреннего сгорания.

Позади звезды тянулся огненный след, который постепенно слабел, звезда вдруг обрела форму мотоцикла, и поражённый Котиков увидел седока, одетого в доспехи, — примерно такие, как у средневекового рыцаря. Рыцарь этот уверенно осадил свой мотоцикл и подрулил к Ивану. Грохот и выстрелы двигателя смолкли, и наступила такая тишина, что Котиков услышал писк комара.

— Салют! — сказал небесный мотоциclist и поднял руку — точно так же, как Федька, сын хозяйки Натальи Ивановны, у которой Котиков с женой снимал комнатку.

Федька, между прочим, был помешан на мотоциклах, но пока являлся обладателем лишь мопеда «Верховина» — грохочущего чудища, сводившего Котикова с ума.

Незнакомец слез с мотоцикла и сделал несколько приседаний — видимо, разминался после дороги. Доспехи его оказались эластичными и не лязгали.

— Ну, пожалуй, хватит вам удивляться, — сказал он. — Вы образованный человек и уже могли понять, кто я такой.

На голове у незнакомца был глухой шлем с узкими щелями для глаз и рта и с выступом для носа.

— Не снимается, — словно угадав мысли Котикова, сказал он. — Да и надо защищаться от вашей загрязнённой среды, — голос его звучал отчётливо и внятно, и говорил он по-русски очень хорошо. — Для удобства зовите меня просто Пришельцем — моё имя вам будет трудно произнести. А вы Котиков Иван Иванович, — не столько спросил, сколько уточнил он.

— Да, — откликнулся наконец Иван, — но...

— Не будем терять время попусту, — перебил Пришелец. — Наши датчики дают хорошую информацию. Так получилось, что мы зависли над вашим объектом. Вы не спали, и потому для переговоров мы решили выбрать именно вас... У нас мало времени, понимаете?

Страх прошёл, исчезла и растерянность, а в груди возникло чувство простора и радости, будто кто-то впустил туда озон.

«Я разговариваю с Пришельцем! Первым из людей, из всего человечества! Неважно, почему они меня выбрали...»

— Важно, — сказал Пришелец. — Во-первых, вы учитель. Во-вторых, историк. В-третьих, молодой человек, чей мозг ещё не успел засохнуть от штампов, страха за будущее семьи и так далее...

— Вы что, умеете читать мысли? — Иван опять удивился. — Выходит, когда я думаю, я тоже разговариваю с вами?

— Совершенно верно. Мне хотелось бы задать вам, Иван Иванович, несколько главных вопросов,

которые интересуют нашу цивилизацию. И вы как представитель человечества должны ответить на них.

— Постойте, так нельзя! — всполошился Иван. — Ведь это же первый контакт! Почему только вы должны спрашивать? И почему я должен говорить от имени всего человечества?

Котикову показалось, что он услышал смешок.

— Вы не совсем меня поняли, — сказал Пришелец, и Иван почувствовал, что озоном как бы продувается не только его грудь, но и мозги. — Во-первых, вас очень мало — каких-то четыре миллиарда. Во-вторых, главные вопросы будут касаться именно вас, вашей личности, Иван Иванович Котиков. Теперь понятно?

— Нет, — несмотря на озон, усиленно циркулирующий в нём, Котиков никак не мог представить себя в роли человека, которому надо отвечать от имени всех людей сразу. — И потом, у нас так не делается. — Он улыбнулся и протянул руку в сторону дома. — Хотя обстоятельства и не совсем позволяют — мы тут недавно поселились, но тем не менее...

— Об этом мы хорошо знаем, — опять послышался смешок, и Ивану даже показалось, что он видит улыбку Пришельца. — Водка, застолье, сувениры. Так?

— Совершенно верно, — не замечая, что он говорит словами Пришельца, ответил Иван. — В застолье и поговорим...

— Вы не забывайте, у нас мало времени, Иван Иванович. А потом будут Надежда Ивановна, Анюта, Федька...

— И его знаете? Да, вопрос. — Иван тряхнул русыми кудрями — длинными, почти до плеч.

Несмотря на разговоры с директором школы Варварой Прокофьевной, Котиков принципиально волосы не укорачивал, а стриг по моде.

— Как вы понимаете счастье, Иван Иванович? — голосом университетского профессора Маслакова, почитаемого всеми студентами, а Иваном в особенности, строго и властно спросил Пришелец. — Что для вас дороже всего на свете?

— Хорошие вопросы, — Иван прерывисто вздохнул. — Я их задавал себе не один раз. Счастье для меня — это когда я открываю что-то новое, открываю и понимаю, что открываю. Вот, например, эта книга. Откуда она взялась, я не знаю. Но только сейчас, до того, как вы прилетели, мне казалось, что я должен открыть что-то такое, отчего дух захватит... И вдруг я увидел белую луну, потом звезду и вас... И вот это и есть счастливая минута, хотя я почти уверен — завтра мне никто не поверит, что я разговаривал с Пришельцем. Но это неважно, понимаете? Важно, что есть наш разговор, встреча, эта ночь, да вы только посмотрите, какая она!

И правда, ночь была волшебной. Белое свечение прекратилось, и небо стало тёмно-синим, отливающим пепельным, и тысячи звёзд были как живые существа, нежные и загадочные. Хорошо виделось пшеничное поле, неподвижное, какое-то радостное от сознания своей силы и красоты. Были видны и зубцы дальнего леса на увалах, а рядом, за спиной Ивана, в таком же покое и силе, как и поле, стоял сад, усыпанный яблоками, сливами и малиной. И, словно помогая Ивану, словно желая выразить его чувства, ударили в звонкие колокольцы соловей.

— Конечно, я всего лишь учитель в маленьком городе, который и городом-то назвать трудно. По-нашему райцентр, а по сути дела большая деревня. Но я вырос здесь. Поэтому вы видите мой дом, мою родину... А что может быть дороже?

Пришелец сжал пальцы, потёр ими шлем, словно проверяя, хорошо ли он сидит.

— Не совсем понимаю, — сказал он и прокашлялся — опять так же, как профессор Маслаков. — Дом-то этот не ваш. И сад не ваш. А природу не далее как вчера вы брали, говоря, что всю землю распахали, ни одного милого уголка не оставили... С Анютой вашей четвёртого дня разговор был, что пора уезжать из этой дыры — именно так вы выразились. Нечего, мол, тут гнить. И потом, Иван Иванович, кто диссертацию кропает по ночам, кто на неё надеется, как на талисман? Мол, она-то покажет, что вы за человек! Она вас не только в областной центр, в саму Москву вывезет! А? Как же всё это согласовать?

— Уважаемый, не путайте кислое с пресным, — тихо, но твёрдо сказал Иван. — Вы, получается, всё обо мне знаете. Так зачем передёргивать карты? Может, у вас на вашей Альфа-Центавре или как там её назвать, существа иного рода, а у нас человек не состоит из одного белого или чёрного. На то он и человек! И если я, бывает, бранюсь, так это не оттого, что свою землю не люблю. Что же до диссертации, то почему бы мне и не писать её? У меня есть ум, энергия, и я не хочу их направлять на выращивание собственной картошки, например. И водку хлестать не хочу, как Павел Дмитриевич...

— Знаю, — перебил Пришелец. — Однако и вы по части водочки не дурак, как говорит ваша народная мудрость... Поясните: область, Москва — это так, для успокоения ума и сердца голубые мечты? Для Анюты флёрдоранж, по выражению того же Павла Дмитриевича? — Пришелец посмотрел на небо и присел несколько раз, вытянув руки вперёд, как будто на зарядке.

«А вдруг он сейчас улетит? — лихорадочно промелькнуло в сознании Ивана. — Вдруг он уже всё главное обо мне выяснил? А это значит, что не только обо мне. Нет, погоди, гусь лапчатый!»

— Во-первых, Иван Иванович, улетать я пока не собираюсь, — Пришелец прошёлся вокруг мотоцикла и похлопал его по сиденью, как лошадь по крупу. — Во-вторых, ещё раз уясните, что речь идёт о вас как о представителе людей, всего лишь как о представителе. В-третьих, нехорошо меня сравнивать с домашней птицей...

«Мозги пудрит», — опять забыв, что его мысли контролируются, подумал Иван.

— Я их не пудрю, а проветриваю. Итак, какова же ваша истинная цель в жизни?

Котиков вздохнул и хотел положить фолиант на валун, лежащий у ограды, но почему-то не смог этого сделать — книга как будто приклеилась к руке. Он сунул её под мышку.

— Сперва разберёмся с вашими предыдущими вопросами, — заговорил Иван. — Запомните хорошенъко — идеальных людей нет, и я — не исключение. Вот именно, не исключение. Да, и в мою голову залетают честолюбивые мысли. Но я пишу диссертацию прежде всего потому, что мне интересна сама тема, за которую я взялся. Ага, вы знаете о ней. Чудесно. Однако чем больше я живу, тем больше понимаю, что основное моё дело — вовсе не наука, а педагогика. Действительно, Анюта хочет уехать отсюда, тут у нас сложности... Вы и это знаете! Ладно. Но городок — мой, он мне нравится, это действительно моя земля, и я её люблю! И никуда я, чёрт возьми, отсюда не уеду, пока не почувствую в этом внутренней необходимости!

— Только, пожалуйста, без «чёрта» и потише, а то нам помешают, — сказал Пришелец.

— Хорошо! — Иван понизил голос, но отметину, что Пришельцу не понравилось слово «чёрт», в уме сделал. — Я хочу быть настоящим учителем. Хочу преподавать именно историю, а не литературу или географию! Представляете, эта фифочка Алла Петровна...

— Да-да...

— Отлынивает от уроков — то кто-то там у неё болеет, то ей самой куда-то надо, и на меня взвалили ещё и русский! Чёрт меня дёрнул однажды сказать...

— Я же просил, Иван Иванович...

— Извините, не буду. Хотя это странно...

— Не отвлекайтесь.

— А Василиса Прокофьевна ей покровительствует, потому что они родня! А какой из меня, спрашивается, преподаватель русского языка? Стыдно перед детьми разыгрывать всезнайку, стыдно чувствовать страх, что кто-то может посадить тебя в калошу...

— Желобов, например.

— Да, Желобов хотя бы, — и тут Котиков остановился и, кажется, покраснел. Его утешило лишь то, что в свете звёзд и луны краска на щеках может оказаться незамеченной. Это своё свойство — краснеть — Иван Котиков считал самым кошмарным, самым ужасным из всех, какие только могут быть учителя. — Значит, вам известен мой инцидент с Желобовым?

— Да, но я хотел бы уточнить детали.

Иван явственно услышал интонации Василисы Прокофьевны, и румянец сошёл с его лица, уступив место бледности, как это всегда бывало с Котиковым, когда он чувствовал стыд или горечь.

— Итак, вы схватили Желобова за ухо и потащили к двери на виду у всего класса, — продолжал При-

шелец. — И только за то, что Желобов пинал ботинком Дедикова?

— Не только поэтому. Это была, так сказать, последняя капля. Я несколько раз видел, как он мучает Дедикова — под видом шалости. Я говорил с Желобовым. Предупреждал. Но всё понапрасну, потому что...

— Потому что Дедиков ваш любимчик. А разве могут быть у педагога любимчики?

— Вы как будто совещались с Василисой Прокофьевной. И разделяете её точку зрения! А я считаю, что человек, который мстит за свою лень и амбиции с помощью мерзких приёмчиков, должен быть наказан! Дедиков способный ученик, очень любит историю, и я действительно отношусь к нему с симпатией, но дело не в этом. Я обязан был его защитить, но защищил плохо, грубо, признаюсь... Я понёс заслуженное наказание.

— А почему вы дома сказали Анюте, что они ещё поплатятся за то, что лишили вас возможности быть классным руководителем? Вы даже собирались жаловаться, так?

— Собирался, но потом раздумал, — мрачно ответил Иван.

— Потому что вашу жалобу истолковали бы как поклён на фифу под названием Алла Петровна, так, кажется, вы выразились? Алла Петровна взялась защищать Желобова...

— Да! И что самое кошмарное — её сделали классным руководителем! И это в моём классе, который я вёл два года... И ведь как дело повернули! Мол, я нападаю на Аллу Петровну, потому что жену свою тащу! Видите ли, Анюта, как и Алла Петровна, преподает русский и литературу. Но куда мне тащить Анюту, если у нас не хватает учителей? Не хва-та-ет,

понимаете? В таких городках, как наш, в деревнях... Все в большие города рвутся — лезут работать в газеты, не умея писать, на телевидение — рисуночки на подставки ставить, лишь бы в город! Одна дура продавщицей в магазине «Изумруд» работает. А ведь со мной училась, на собраниях выступала. Деятельница!

— Федурова Лидия Сергеевна, — уточнил Пришелец. — Однако мы несколько уклонились от темы. Вот вы говорите: «Мой родной город, я люблю эту землю». А почему вы ничего не делаете, чтобы ваш город стал лучше? Дворец культуры, извините, никакой не дворец, а скорее каменный сарай. Пусто там, когда танцулек нет. Вы хотели прочитать цикл лекций, но так и не собрались. Музей хотели организовать, начали — и бросили. А помните эту вашу хлесткую статейку, как она называлась? А, «Вечно живое»! Там вы о традициях распространялись, мол, город наш мал, но есть в нём заповедные места, которые мы обязаны в порядок привести — сами, своими руками. Эх, Иван Иванович, что же вы ни одно из своих хороших начинаний до конца-то не довели? Неужто и вас уже «среда заела»?

Котиков опять почувствовал, что краснеет. Он хотел сказать о конфликте с родителями, от которых пришлось съехать из-за ссоры мамы с Анютой, о дополнительных уроках, о диссертации этой, какой-то бесконечной, ещё о том, что он действительно в последнее время стал руки опускать...

Но Пришелец остановил его:

— Всё знаю, Иван Иванович. Но сути дела это не меняет. Согласны?

- Согласен, — и Котиков опустил голову.
- Ну-ну, всё не так плохо, — Пришелец взял у Ивана фолиант. — Извините, это наш датчик. — Он

укрепил фолиант на багажник, а сам сел на сиденье мотоцикла. — Мне пора, прощайте!

— Как?! Я же ни о чём вас не спросил! Так нечестно! Возьмите хотя бы яблок!

Но треск уже стоял невообразимый, и небесный мотоцикл Пришельца резко рванул с места.

2.

— Вот олух окаянный, с утра свой драндулет заводит, поганец!

Это за стеной причитала Наталья Ивановна, а Федька, разогнав свою «Верховину» и восседая на ней, как фараон на троне, ехал по солнной улице на элеватор, где он работал весовщиком.

Иван резко приподнялся и сел в постели. Лоб его был в поту, он тяжело дышал.

Анюта повернулась. Её белая пухленькая ручка намеревалась опуститься Ивану на грудь, а вместо этого легла на пустую подушку. Анюта открыла глаза и увидела сидящего мужа, у которого были спутаны волосы, а лицо испуганное, будто случилась какая-то беда.

— Что с тобой? — спросила она. — Федька напугал?

— Федька. — Иван встал и, натянув спортивный костюм, вышел во двор. Но зарядку делать совсем не хотелось, и он опустился на ступеньки крыльца и закурил.

«Глупость какая», — подумал Иван, вспоминая подробности сна и стараясь воспроизвести его от начала и до конца. Сны Котиков видел часто и по опыту знал, что если не «прокрутишь» их сразу же, быстро забудешь всё, даже самое интересное. Но сейчас ничего не надо было припоминать, он отчёлтиво помнил

мельчайшие детали — и шлем Пришельца, и его гнувшиеся, как резина, металлические перчатки.

«Забавно, — подумал Иван и усмехнулся, — почему он был недоволен словом „чёрт“? Может, это ангел?»

— Ваня, во-ды! — раздался из дома голос Анюты.

Иван взял вёдра и пошёл к колонке — она находилась неподалёку от дома, на углу улицы.

«Надо же! — продолжал думать Котиков о сне. — Вроде и фантастики-то я не читал сто лет... Пришелец! А как выглядел... — любо-дорого посмотреть!». Иван опять улыбнулся, и впечатление, будто он пережил встречу с инопланетянином на самом деле, окончательно исчезло.

— Потрясный сон видел, — сказал он Анюте, налив воду в рукомойник и разглядывая её короткую мальчишескую стрижку, которая открывала тонкую, нежную шею.

Анюта склонилась над тазиком и осторожно так, как кошка лапкой, протирала пальцами своё лицо.

— Будто бы к нашему дому марсианин прилетел. На Федькином драндулете.

Анюта засмеялась и стряхнула воду с ладошек.

— Фантазёр ты мой! Даже во сне не даёшь покоя своей головушке. Иди брейся, а то мы начинаем опаздывать.

Когда они завтракали, а потом шли по улице, к школе, Иван продолжал в самом забавном духе живописать подробности сна, и Анюта смеялась, потому что Иван рассказывал действительно смешно. Утро выдалось свежим, и хорошо было идти по старой улице, и видеть листья с рыжими подпалинами, и весёлое любимое лицо Анюты, и замечать на себе взгляды прохожих, и чувствовать, что на тебя, молодого и модного, да ещё с красивой женой, смотрят с

симпатией и, может быть, даже с завистью. Но стоило войти в учительскую и увидеть «так называемую Аллу Петровну», которая прихорашивалась у зеркала, математика Павла Дмитриевича с тяжёлым, явно похмельным лицом... Стоило увидеть всю эту суetu людей, которым как будто никакого дела не было до детей и которые шли не проводить уроки, а «отыграть свой номер», как выразился однажды Павел Дмитриевич, — и настроение у Котикова разом изменилось.

«Чего я развеселился, идиот? — подумал Иван. — Ничего смешного в моём сне нет. Это ведь я сам себе задавал вопросы. Сам себе, понял, балда?»

Он вошёл в класс и сразу увидел, что на доске опять нарисован котик. Конечно, это дело рук Желобова: так он расплачивается с учителем. «Всё произошло минувшей весной, а теперь осень. Какую же надо иметь душу, чтобы продолжать свои подлые штучки после целого лета? Ответь мне, пожалуйста, Пришелец! Ответь, прошу тебя, не молчи...»

— Садитесь, — Иван положил журнал на стол и посмотрел в окно.

Девчонка с белыми бантами бежала к парадным дверям школы. Деревья, посаженные в прошлом году, выглядели чахлыми, жалкими — они едва прижились. И небо почему-то стало грязновато-серым, исчезло куда-то солнце.

Захотелось курить.

— Дежурный, кто отсутствует?

— Дедиков, — сказал Желобов.

Коля Дедиков возмущённо оглянулся.

— Присутствуют все! — это встала Оля Мусатова, отличница. — Иван Иванович, разрешите я вытру доску.

— Спасибо, Оля, не надо. Садись. Вот что, ребята, я теперь не ваш классный руководитель, но знаете, мне хочется сегодня поговорить не по теме урока... Это будет игра! Но игра очень серьёзная, предупреждаю... Согласны?

— Валяйте! — сказал Желобов, и его симпатичное лицо с разлётом густых бровей, с прямо-таки байронической бледностью, с холодным блеском крупных серых глаз искривила ухмылка.

— Ладно, буду валять, Желобов, — сказал Иван. — Только учи — и тебе надо будет участвовать в нашей игре... Итак, вчера ночью вы спали. Спали и даже представить себе не могли, что свершилось потрясающее, прямо-таки историческое событие! И не где-нибудь в Сан-Франциско, не в Стокгольме, где пел твой любимый ансамбль «АББА», Желобов, — они тоже проморгали великое событие, — а у нас, в заштатном городе Чугунове, в двадцать четыре часа ноль-ноль минут, то есть ровно в полночь.

Уже воодушевившись, уже зная, как он поведёт разговор, Иван встал и подошёл к первой парте и почувствовал заветную тишину, которую ждёт любой оратор — будь он премьер-министр или учитель средней школы, пришедший на урок в девятый класс к подросткам, которых теперь называют акселератами.

— Представьте себе огромный диск луны, — продолжал Иван, — он стоял вертикально и светил так, что мне показалось, будто к нам пришли белые ночи... Но свечение было таким сильным, что я понял — это прилетел космолёт! И точно — от диска вдруг отделилась звезда, стремительно понеслась к горизонту, а потом помчалась над лесом, над полем, всё ниже, ниже... И вот грохот моторов стих, и в поле, за домом,

где я живу, разведчик со звездолёта остановился, и я увидел нечто странное, поразительное!

Иван не жалел красок, живописуя Пришельца, рассказывал о своём состоянии, о книге, добавляя подробности, которых не было во сне, а придумывая их на ходу. Он жестикулировал, показывал — как когда-то в студенческом театре.

— Представьте моё состояние, когда он сказал: «Мне хотелось бы задать вам, Иван Иванович, несколько главных вопросов, которые интересуют нашу цивилизацию. И вы, как представитель человечества, должны ответить на них». Понимаете, я должен был говорить от имени всего человечества! И врать нельзя — он всё знает о каждом из нас, и мысли наши читает, словно бы мы их вслух произносим. Ситуация, а? И ещё я подумал, что это, может быть, никакой не Пришелец, а Ангел! Да-да, Ангел, который явился в моём искривлённом сознании в таком странном виде... Понимаете? И я стал отвечать, но перехитрить Пришельца, или Ангела, было нельзя и, признаюсь, мне было стыдно, что я не могу назвать себя достойным представителем человечества. Стыдно, когда он спросил меня о тебе, Желобов. Стыдно, что я начал организацию музея, а не довёл её до конца. Стыдно, что через газету призывал беречь наши исторические места, а сам для этого ровным счётом ничего не сделал! Стыдно, что я клялся в любви к нашему городу, а сам настраивал себя, чтобы поскорее удрать отсюда. И ещё, и ещё... Понимаете, стыдно! Стыдно, когда я говорю сам себе, что стал верующим человеком, а прихожу в школу и стесняюсь, нет, даже боюсь вам прямо и открыто сказать об этом! Это же позор — быть по сути дела двуличным! Вот... А когда он улетел, я с ужасом подумал, что теперь он обо всех

нас будет думать, что мы болтуны, лентяи, способные только на хвастовство! Лицемеры! Почему мы совершаём хамские поступки, врём, когда можем этого не делать? Почему мы тратим силы на мелочные склоки, глупую возню, когда способны мечтать и совершать нечто возвышенное? Ведь каждый из вас, — Иван ткнул пальцем вперёд, как шпагой, — каждый из вас — представитель человечества! Творение Божие!

Он остановился, понял, что жест получился слишком театральным, и беспомощно опустил руку.

Но никто не заметил этого.

На тонких губах Желобова не играла язвительная ухмылка, лицо его как будто преобразилось, как будто стало одухотворённым...

Коля Дедиков смотрел во все глаза, и в них были боль и гордость за своего любимого учителя...

Оля Мусатова раскраснелась, и её строгое, всегда сосредоточенное лицо стало теперь наивно-удивлённым...

А Гоша Забабурин, маленький и слабый, находился, как воробей, будто увидел в себе столько недостатков, от которых можно сквозь землю провалиться.

Иван подошёл к учительскому столу.

— Ну, — сказал он, — я первым назвал свои промахи, свои провалы. А можете ли вы их назвать? Нет, конечно, не здесь и не сейчас, а наедине с собой? А потом уничтожить в себе всё подлое и гнусное? Вот вопрос... И не думайте, что вам рано его задавать. Вы же сами твердите на каждом углу, что вы взрослые...

Иван опять посмотрел в окно.

Там накрапывал дождь, а в классе была тишина, и все слышали, как дождинки царапают по стеклу.

ШИНЕЛЬ ТЮРЕМНОГО ДОКТОРА

Все мы вышли из «Шинели» Гоголя.
Ф. М. Достоевский

Самой сильной стороной таланта Николая Васильевича Гоголя считалась сатирическая, обличительная. Но писателю в своё время стало казаться, что вместо прославления он высмеивает Россию, русский народ, который так бесконечно любил... При глубокой религиозности и христианском мистицизме Гоголя этот духовный разлад доставлял чуткой душе тяжкие страдания.

Меня давно волновал этот внутренний конфликт великого писателя. Вместе с тем также давно волнуют душу и ум мотивы рождения художественного произведения. Например, такого великого, как «Шинель».

Вполне возможно, что «Шинель» родилась и не так, как я описал, хотя я и опирался на факты биографии писателя. Но есть нечто важнее фактов — тайна художественного творчества.

Рассказывая о характере писателя, я также считал важным показать, почему для него мелкий униженный чиновник стал важнее даже такого подвижника, как Фёдор Петрович Гааз, «тюремный доктор».